

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИновНИЧЕСТВА В 1940-е - НАЧАЛЕ 1950-х г.г.

PROFESSIONAL ACTIVITY OF PROVINCIAL OFFICIALS IN THE 1940s and early 1950s

S. Bondarenko

Annotation

Characteristics of the administrative activities of provincial's officials in the 1940s and early 1950s is based on the results of the conducted research on the interaction of officials at the federal, regional and local levels of government and various departments, the level of executive culture of responsible employees, the organizational side of the process itself.

Keywords: Political power, political elite, social mobility, state, career.

Бондаренко Сергей Яковлевич

К.и.н., доцент,

*Вологодский институт права
и экономики ФСИИ России*

Аннотация

Характеристика управленческой деятельности провинциального чиновничества в 1940-е – начале 1950-х годов основывается на результатах проведенного исследования вопросов взаимодействия чиновников федерального, регионального и местного уровня власти и различных ведомств, уровня управленческой культуры ответственных работников, организационной стороны самого процесса управления.

Ключевые слова:

Политическая власть, политическая партия, государство, социальная мобильность, карьера, политическая элита.

Эффективность профессиональной деятельности провинциального чиновничества во многом зависела от характера его взаимоотношений с центральными органами власти, как партийными, так и советскими. В целом в 1940-е – начале 1950-х гг. эти взаимоотношения строились на основе жесткого подчинения местной власти центру. Такая ситуация сложилась еще в 1930-е гг. В результате большинство региональных чиновников не имело самостоятельности и во всем полагалось на центральное руководство: "Москва все знает, Москва, прояснит, Москва подскажет"[1]. Кроме того, среди подавляющей массы провинциального чиновничества существовала вера в непогрешимость Сталина, в безусловную правильность его политики. Так, в дневниковых записях Н.А. Рибковского, в 1940 г. – секретаря Выборгского райкома, с декабря 1941 г. – инструктора Ленинградского горкома ВКП(б), постоянно приводятся ссылки на высказывания Сталина, который рассматривается главный авторитет по всем важным вопросам: "Будет и на нашей улице праздник!" – как справедливо сказано в приказе т. Сталина", "... т. Сталин свое слово сдержит... Поможет, выручит..."[2]. Такое отношение провинциального чиновничества к высшему руководителю создавало благоприятные условия для выполнения любых его директив.

В первой половине 1940-х годов наблюдалось установление еще более жесткой централизации политического, хозяйственного и военного руководства. В годы войны по отношению к местным органам власти со сто-

роны центра еще более укрепился директивный, командный стиль руководства. При этом усилилась личная ответственность чиновников за выполнение политических и хозяйственных задач. Так, в телеграмме И. В. Сталина в адрес руководителей Архангельской области по поводу недопоставок мяса государству за 1941 год требовалось незамедлительное проведение поколхозной, подворной проверки недоимок по мясоставкам к 1 января 1942 года, в том числе и за прошлые годы, жесткое установление для каждого района области пятидневных заданий с целью ликвидации недоимок в течение февраля 1942 года. В телеграмме подчеркивалось: "...ответственность возлагаю лично на т. Огаркова М.А. и т. Огородникова Г.П. В течение трех дней доложите о принятых мерах. И. Сталин"[3]. При чем центральным руководством личная ответственность на "первых лиц" области или района возлагалась не только за состояние партийной организации, но и за выполнение хозяйственных планов. К примеру, соответствии с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года ответственность за уборку урожая и сдачу хлеба государству в установленные сроки в районах возлагалась на первых секретарей РК ВКП(б) и председателей РИКов, в области – на первого секретаря обкома ВКП(б) и председателя облисполкома. Руководители партийных и советских органов, допустившие задержки хлебосдачи, подлежали снятию с должностей, исключению из партии и преданию суду как "наносящие ущерб государству и ослабляющие обороноспособность страны" [4]. Объективные трудности, связанные с нехваткой материальных и людских ресурсов, во вни-

мание не принимались. Мобилизационно–приказная система не признавала слов "невозможно" или "невыполнимо" – требовался результат любой ценой. В годы войны все это оправдывалось нуждами войны.

Вместе с тем, чрезвычайные условия военного времени, персонификация ответственности способствовали самостоятельности чиновника, который мог сам решать неотложные проблемы, не оглядываясь на начальство, в конечном итоге не бояться брать ответственность на себя. Для многих чиновников военного времени был присущ решительный стиль работы. В связи с этим очень показательны действия первого секретаря Тульского обкома ВКП(б) В.Г. Жаворонкова. Не дозвонившись 22 июня 1941 г. в Москву с целью получения директив, он обратился к членам бюро: "Собственно, чего мы ждем? Это теперь будет часто. Поэтому договоримся на все случаи: действовать, как подобает большевикам..." [5].

Необходимость быстро решать сложные вопросы на месте иногда приводила к конфликтам между региональными лидерами и московскими чиновниками. Так, в конце 1941 г. Правительство приняло решение эвакуировать стекольный завод из Чагодощенского района Вологодской области. Бюро Вологодского обкома и лично первый секретарь П.Т. Комаров выступили против этого, т.к. посчитали это слишком дорогостоящим мероприятием, к тому не имеющим ни политического, ни экономического эффекта. Однако СНК РСФСР настаивало на эвакуации. Первый секретарь обкома был вынужден защищать свою точку зрения в ЦК ВКП(б). В результате центральное партийное руководство приняло его сторону в данном конфликте [6].

Послевоенный период во взаимоотношениях между центральными местными чиновниками ознаменовался возвратом к репрессиям. Однако теперь они носили локальный характер и широко не освещались в прессе, как это было в конце 1930–х гг. В частности, в конце 1940–х гг. были репрессированы руководители Московской городской партийной организации, Ленинградского горкома. Объектом этих карательных мероприятий стали партийные и советские чиновники, карьера которых успешно складывалась в годы войны [7]. В 1948–1949 гг. в Архангельской и Вологодской областях в аппаратах парткомов и исполкомов Советов всех уровней прошла массовая ротация кадров, при чем сменились в основном чиновники с высоким стажемом руководящей работы. При этом в двух северных областях произошла смена части областной партийно–советской элиты: в 1948 г. ушли со своих постов первый секретарь Архангельского обкома Б.Ф. Николаев, председатель Вологодского облисполкома А.М. Лобанов. В 1949 г. состоялась проверка деятельности Вологодского обкома, по результатам которой Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление. В нем работа Вологодского обкома и лично первого

секретаря В.Н. Дербинова по хозяйственному и культурному строительству в области была признана неудовлетворительной. Дербинову также вменялись в вину "канцелярско–бюрократические методы работы" [8]. В 1952 г. проводились очередные выборы в партийные руководящие органы. Это стало удобным поводом снять негодных центру региональных руководителей. В результате, несмотря на свой авторитет в Вологодской партийной организации, не был избран первым секретарем В.Н. Дербинов. Все это может свидетельствовать о том, что в конце 1940–х – начале 1950–х гг. центром по отношению и к северному провинциальному чиновничеству проводилась политика "закручивания гаек", ужесточался контроль над местными руководителями.

В целом исследование проблем взаимоотношений центральных органов и провинциальных чиновников позволяет сделать вывод о том, что в 1940–е – начале 1950–х гг. существовало две модели взаимоотношений между центральными органами власти и провинциальными чиновниками. Первый вариант предполагал безусловное подчинение любым решениям центра, строгое следование его директивам. Он был доминирующим на всем протяжении исследуемого периода. Вторая модель, имевшая место в годы войны, предусматривала взаимодействие, сотрудничество региональных и московских чиновников для решения общих задач, предоставление большей самостоятельности местным руководителям. Как показала война, данная система взаимодействия была более эффективной. Вместе с тем она не исключала централизации власти, т.к., в конечном итоге, последнее слово всегда было центральными ведомствами.

Другим важнейшим фактором, способствующим эффективной деятельности провинциальных чиновников, являлись взаимоотношения между руководителями различных ветвей власти и ведомств: партийных, советских, хозяйственных, карательных. Эти взаимоотношения изначально строились на полном приоритете партийного руководства на всех уровнях власти. Первый секретарь любого парткома являлся главным руководителем на подведомственной ему территории. При этом секретари обкомов и райкомов отвечали не только за политическое руководство, но и за экономическое развитие своего региона, за выполнение хозяйственных планов.

Однако со временем тип руководителя–универсала изживал себя. Сложнейшие экономические задачи под силу было решать только профессиональным инженерам, экономистам, строителям. Особенно остро эта проблема встала после войны, когда восстановление разрушенного народного хозяйства не могло осуществляться только с помощью приказных методов, нужны были специальные знания и применение экономических рычагов. Таким образом, если в военный период партийные руко-

водители брали на себя многие функции по хозяйственному управлению, то после войны они, главным образом, должны были сосредоточиться на общем руководстве, обеспечении выполнения политических задач, которые ставило перед ними высшее руководство.

Особого внимания заслуживает проблема взаимоотношений чиновников партийных и карательных органов. Так, на местах в 1940–е гг. некоторые сотрудники суда и прокуратуры пытались выйти из-под контроля райкомов ВКП(б), протестовали против вмешательства в их деятельность, в частности, против необоснованных требований выдачи санкций на арест и привлечения к уголовной ответственности отдельных руководителей низового звена. В докладной записке прокурора Архангельской области Чичерина на имя первого секретаря обкома ВКП(б) Г.П. Огородникова сообщалось, что постановлением объединенного заседания Вологодского РК ВКП(б) и исполкома райсовета райпрокурору т. Милькову было поручено привлечь к уголовной ответственности трех председателей колхозов за невыполнение зернопоставок государству. Однако прокурор Мильков, учитывая, что колхозы план сдачи хлеба государству выполнили, а сами председатели находились в должностях всего три месяца, не стал привлекать их к уголовной ответственности. В связи с этим секретарь РК ВКП(б) Шевелев заявил, что как член партии т. Мильков обязан выполнить постановление бюро райкома, в противном случае он сам будет привлечен к ответственности. В заключение Чичерин резюмировал: "...среди руководителей районов не перевелись "зазнавшиеся вельможи", которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них. Они пытаются вопреки требованию статьи 117 Конституции РСФСР подчинить прокуроров местным органам власти" [9].

Попытки прокурорских органов действовать самостоятельно и независимо вызывали раздражение и резкое противодействие со стороны партийных органов. Так, в справке заведующего сектором судебных и прокурорских органов отдела кадров Вологодского обкома ВКП(б) Платонова указывалось, что ряд работников суда и прокуратуры "неправильно" понимают руководство со стороны райкомов партии и "всякие" указания райкома считают вмешательством в оперативную работу. Будучи в командировке, Платонов дал "соответствующие" разъяснения о руководящей роли ВКП(б) райпрокурору Павинского района т. Архиповскому, "объяснил" народному судье Никольского района т. Квашнину, какими должны быть взаимоотношения между судом и райкомом партии [10].

Отдельные работники судебно-прокурорских органов для ухода от контроля со стороны райкомов и райисполкомов использовали имеющийся у них по роду деятельности компрометирующий материал на руководящих партийных и советских работников. В докладе председа-

теля Вологодского областного суда Нехорошкова, направленного первому секретарю обкома партии, указывалось, что органы следствия и прокуратуры использовали компрометирующие материалы на руководящих работниках райкомов ВКП(б) и РИКов для их дискредитации [11]. Вместе с тем, осуществляя надзор за точным исполнением законов органами власти и должностными лицами, органы прокуратуры действительно вскрывали целый ряд нарушений законности председателями сельсоветов, РИКов, партийными чиновниками. Так, за 1943 год в Вологодской области органами прокуратуры опротестованы решения, распоряжения, действия должностных лиц и вынесены прокурорские представления по 986 нарушениям законов местными чиновниками. В 65,1% случаев прокурорские протесты касались нарушений Устава сельхозартели в колхозах, 12,5% – нарушений законов о трудовой дисциплине, 6,0% – нарушений законов о торговле, 7,0% – нарушений законов о налогах, сборах и поставках, 2,9% – нарушений законов о мобилизации населения и транспорта, 1,6% – нарушений законов о местной противовоздушной обороне, 1,2% – нарушений постановлений административных комиссий местных Советов, 1,1% – нарушений законов о поставках и заказах РККА, 2,6% – нарушений законов о правах военнослужащих и членов их семей [12].

Райисполкомы, чувствуя защиту и покровительство со стороны райкомов, протесты и представления прокуроров против незаконных действий своих чиновников систематически не рассматривали [13]. В связи с этим свое внимание на данную проблему обратил Вологодский облисполком: 15 июня 1944 года он принял развернутое решение "О фактах нарушений законов местными органами власти" [14].

Таким образом, если во второй половине 1930–х гг. происходили конфликты между работниками НКВД и партийного аппарата, то в 1940–е гг. наблюдались сложные, противоречивые взаимоотношения партийных чиновников и работников судебно-прокурорских органов, партаппаратчиков и хозяйственных руководителей. Это свидетельствовало о том, что партийные чиновники не обладали полной, тотальной властью в регионе. Более того, сами партийные руководители иногда оказывались под контролем органов, предметом деятельности, конституционной обязанностью которых были защита и соблюдение законности. В изучаемый период они нередко были вынуждены делить власть с советскими, хозяйственными ответ работниками, подчиняться решениям суда и прокуратуры. С одной стороны, это способствовало хотя бы мнимой реализации демократических принципов руководства, записанных в Конституции, но, с другой, в жестких условиях директивного управления вело к снижению эффективности деятельности провинциального чиновничества.

Основным методом достижения результативности работы нижестоящих структур являлись контроль и проверка их деятельности. Проверка исполнения принятых решений включала в себя комплекс форм и способов осуществления этого вида деятельности. В их числе было представление докладных записок, письменных отчетов о выполнении решения непосредственно исполнителем или чиновником, ответственным за порученный участок работы; вызов чиновников в райкомы и исполкомы для обсуждения хода исполнения принятого решения или же для заслушивания отчетов по проверке исполнения директив. Одним из способов контроля являлись проверки с выездом на места заведующих отделами, уполномоченных и инструкторов исполкомов и партийных комитетов [15]. Так на заседаниях Вологодского облисполкома за 1944 год было заслушано 111 отчетов председателей райисполкомов, отчеты 19 председателей сельсоветов заслушивались на сессиях райсоветов, а отчеты 91 председателя сельсовета – на заседаниях РИКов [16].

Иногда такие проверки и отчеты приводили к снятию чиновников с должности. Так, по результатам заслушивания 1 апреля 1942 г. отчета Бабушкинского райкома ВКП(б) Вологодской области о подборе руководящих кадров для колхозов и по материалам повторной проверки в декабре 1942 г. решением Вологодского обкома ВКП(б) секретарь Бабушкинского РК ВКП(б) по кадрам Ф.Н. Зимин был отстранен от должности [17].

В сельских Советах велась книга учета вынесенных решений и поступивших директив от вышестоящих инстанций, где делались соответствующие отметки о том, что по каждому решению сделано, кто ответственный за выполнение решения, каков срок его исполнения. Такие же книги учета велись в райисполкомах, что позволяло председателю РИКа иметь оперативную информацию об исполнительской дисциплине чиновников по выполнению конкретной директивы в целом по району. Помимо этого в горсоветах и РИКах имелись контрольные карточки, которые заводились на решения, взятые на контроль председателем исполкома [18]. В облисполкомах велись учетные карточки получаемых постановлений и директив центра с указанием председателем облисполкома срока и конкретных исполнителей [19].

К числу способов организации контроля за деятельностью местных чиновников относилась ежедневная отчетность. Причем иногда местные чиновники сами, без разрешения вышестоящих структур вводили новые формы ежедневной отчетности. Так, с целью осуществления "надлежащего" контроля за ходом уборки урожая 1942 года в Пришекснинском районе Вологодской области заведующим районным земельным отделом Калининым самовольно была установлена ежедневная письменная отчетность председателей сельских Советов и председа-

телей колхозов района по 34 пунктам. Это создало огромный бумажный поток ежедневной информации из колхозов в сельсоветы, а из сельсоветов в РайЗО Пришекснинского РИКа. Работники были вынуждены заниматься "бумаготворчеством", а не конкретным делом. Приказом Наркома земледелия СССР от 19 ноября 1942 года эта система отчетности была отменена [20].

Выполнение указаний вышестоящего руководства нередко заставляло чиновников применять по отношению к подчиненным методы нажима и запугивания привлечением к уголовной и партийной ответственности за невыполнение или несвоевременное выполнение поставленных задач. Так, в докладной записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Вологодской области в адрес обкома партии указывалось, что "излюбленным" методом руководства первого секретаря Великоустюгского РК ВКП(б) Я.С. Задорина является "грубое администрирование и постоянные угрозы". Руководство в этом районе осуществлялось заочно – в основном путем указаний и распоряжений по телефону и телеграфу. В телеграммах первого секретаря часто содержались ссылки на то, что в случае невыполнения задания виновные "будут вызваны на бюро райкома и привлечены к партийной и уголовной ответственности" [21]. Председатель Рабановского сельсовета Сокольского района Вологодской области за неявку на сессию сельсовета подверг штрафу пятерых депутатов и каждому вручил письмо: "за невыполнение своих обязанностей, которые поставлены перед вами правительством и неоправдание доверия народа... подвергаю штрафу в размере 30 руб. Срок уплаты немедленный" [22].

В целом подобные методы руководства доминировали и в предыдущие годы, однако в 1940–е – начале 1950–х гг. они получили еще большее распространение и оправдывались чрезвычайными условиями военного и послевоенного времени. Таким образом, преобладающая во взаимоотношениях с центром приказная система управления, основанная на полном выполнении директив, подкрепленном репрессиями и разветвленной системой отчетности, пронизывала все уровни власти и проецировалась областными и районными чиновниками на взаимоотношения с нижестоящими структурами.

Немаловажным условием эффективной управленческой деятельности чиновников советских аппаратов в исследуемый период была грамотная организация управленческого процесса. Она, в частности, предусматривала четкое распределение обязанностей между чиновниками в аппарате.

Вместе с тем в изучаемый период характер организации труда отличался чрезвычайщиной. В 1941–1945 гг. это оправдывалось нуждами военного времени. Однако и

после Великой Отечественной войны ситуация мало изменилась: сверхурочная работа чиновников на всех этапах власти считалась нормой. В центральных ведомствах, как отмечают А.К. Соколов и В.С. Тяжельникова, "пик деловой активности приходился на вечернее время и продолжался до 2–3 часов ночи. Ночью работал Сталин, который мог лично позвонить и срочно потребовать справку или отчет, поэтому все союзные министерства и ведомства работали в том же режиме"[23]. После войны для работников Вологодского горкома ВКП(б) специальным распоряжением первого секретаря от 10 ноября 1946 г. был введен новый распорядок дня: "Начало работы с 10 часов утра, лекторы и работники парткабинетов начинали работу в 12 часов дня. На обед отводилось 1,5 часа... Заканчивали работу: зав. отделами – в 21 час; зав. секторами, инструкторы, пропагандисты – в 20 часов; лекторы, работники парткабинетов – в 22 часа... В субботу все работники горкома и райкомов заканчивали работу в 18 часов 30 минут..."[24]. Согласно распоряжению, строго воспрещалось работать сверх указанного времени и по воскресеньям. Кроме того, оно указывало на строгое соблюдение дисциплины: "Не допускать никаких отлучек работников из горкома и райкомов, хождения по горкому и райкомам, не связанные с выполнением прямых обязанностей по работе...". В случае необходимости отлучиться в рабочее время по делам, не связанным с работой, необходимо было разрешение первого или второго секретаря парткома, а в целях обеспечения аккуратной чиновников на работу и с обеденного перерыва был введен специальный журнал [24].

Режим постоянного напряжения и стресса, нерациональная организация труда, нередко плохое питание приводили к хроническим и инфекционным заболеваниям у местных чиновников.

В целом местные чиновники в годы войны и послевоенное время работали с тем же напряжением, что и большинство населения. Часто они демонстрировали примеры самоотверженности, самопожертвования ради победы и скорейшего восстановления разрушенного хозяйства.

Для полной характеристики деятельности провинциального чиновничества важное значение имеет рассмотрение вопроса об уровне его управленческой культуры. Под управленческой культурой понимается моральный облик, стиль поведения руководителя на работе и в быту, манера его общения с коллегами и рядовыми гражданами, степень осознания своего общественного и государственного долга.

Так, в изучаемый период в среде руководящих партийных и советских работников имели место случаи злоупотребления служебным положением из корыстных по-

буждений. Например, партчиновники Чарозерского РК ВКП(б) Вологодской области в 1943 году путем давления на работников РайЗО, бесплатно приобрели 6000 килограммов картофеля, по заниженным ценам скупали в личное пользование молочный скот, а семьям военнослужащих, учителям и служащим покупать коров не разрешали[25]. Секретарь Усть-Кубинского РК ВКП(б) купил в колхозе "Красная Нива" корову по заниженной цене, а затем обменял ее на более лучшую в конторе "Главмясо"[26]. Подобная практика существовала в Уломском, Череповецком, Пришекснинском РИКах[27]. В Кирилловском районе руководящие работники за счет сбора теплых вещей для Красной Армии взяли в личное пользование шубки и пошили кожаные пальто [28].

В ряде случаев районные чиновники принуждали председателей сельсоветов и колхозов нарушать законодательство. В 1943 году по распоряжению заведующего райземотделом Борисово-Судского РИКа Вологодской области Колесова для руководящих работников РИКа из 9 колхозов Конецкого сельсовета бесплатно было получено 456 килограммов овса, 100 килограммов пшеницы, 550 килограммов ячменя, 105 кг льносемян, 379 кг и только после вмешательства областной прокуратуры и состоявшегося специального решения облисполкома по этому вопросу колхозам были возмещены деньги за незаконно изъятые у них продукты [29].

В годы войны среди чиновников имело место использование колхозных земель в личных целях. Так, весной 1943 года по распоряжению секретаря Нюксенского РК ВКП(б) Беляева в колхозах Дмитриевского сельсовета для работников райкома на площади 5 га колхозной земли был произведен посев пшеницы и гороха, при этом участки обрабатывались колхозниками [30]. По примеру чиновников райкома директор Жаровской МТС Нюксенского района, но уже на площади 12 га колхозной земли, произвел посев зерновых для личных нужд [31].

Наиболее распространенным видом злоупотреблений должностным положением являлось незаконное самонабжение продовольственными и промышленными товарами. К примеру, председателем Оштинского райпотребсоюза за период с августа 1942 по август 1943 года из фондов, предназначенных для эвакуированного населения, было присвоено и реализовано в личных целях промышленных и продовольственных товаров на сумму 369987 руб. по среднерыночным ценам, за что он был осужден на 3 года лишения свободы, но как военнообязанный, отправлен на фронт [32]. Таким образом, эффективности управленческой деятельности провинциальных чиновников в исследуемый период способствовали многие факторы. Прежде всего, это жесткая централизация руководства, мобилизационно-приказная система управления, пронизывающая весь провинциаль-

ный властный аппарат по вертикали и горизонтали. В то же время в период войны местная власть была наиболее близка к народу не только "географически", но и идеологически, духовно, т.к. они вместе способствовали победе над общим врагом. Также данный период отмечен сотрудничеством центральной и региональной властей. Высшее руководство в годы войны не "избивало" местные кадры, не подвергало их массированным репрессиям. Чрезвычайные условия военного времени обусловили появление нового типа провинциального чиновника, способного самостоятельно принимать ответственные

решения, разрешать неотложные проблемы. Высокая эффективность при выполнении поставленных задач достигалась при неременной вере провинциальных чиновников в Сталина и справедливость Советской власти.

Однако в послевоенный период политическое руководство страны, опасаясь излишней самостоятельности и независимости региональных руководителей, повело на них наступление, возобновились репрессии и чистки. Это значительным образом мешало нормальной практической деятельности чиновников на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда. 1986. 16 нояб.
2. Козлова Н.Н. Указ. соч. С. 112.
3. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1135. Л. 32
4. ВОАНПИ.Ф. 2522. Оп. 6. Д. 52. Л. 39
5. Правда. 1986. 16 ноября.
6. Попов Ю. Павел Комаров. Дни войны и мира // Русский Север. 1997. 18 февр.
7. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории. 1941–1991... С. 180–181, 186–187.
8. Очерки истории Вологодской партийной организации... С.
9. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1221. Л. 1
10. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 379. Л. 8
11. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 71. Л. 109
12. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 56
13. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 57
14. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 683. Л. 36
15. ГАВО. Ф.1300. Оп. 1. Д. 676. Л.106
16. ГАВО. Ф.1300. Оп. 1. Д. 667. Л. 3
17. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 107. Л. 21
18. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 676. Л. 1 об
19. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 143. Л. 72
20. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 590. Л. 100
21. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 323. Л. 18
22. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 683. Л. 34
23. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Указ. соч. С. 163–164.
24. Цветков С.Н. Вологда в первый послевоенный год // Историческое краеведение и архивы. Вып. 8. Вологда, 2002. С. 171.
25. ВОАНПИ, Ф. 2522. Оп. 6. Д. 117. Л. 66
26. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 480. Л. 68
27. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 76. Л. 46
28. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 480. Л. 68
29. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 62
30. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 70. Л. 161
31. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 70. Л. 161
32. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 287. Л. 6

© С.Я. Бондаренко, (bosjak.1953usel2016@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

